Сумцов Н. Ф.

Песни и сказки о живом мертвеце.

ПѢСНИ и СКАЗКИ

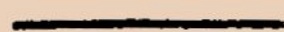

о

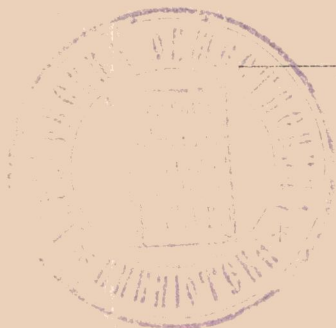
ЖИВОМЪ МЕРТВЕЦѢ.

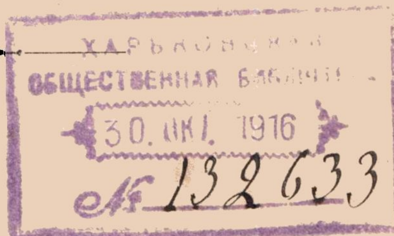
Н. Ѳ. Сумцова.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено Цензурою Кіевъ 14 Марта 1894 г.

ПѢСНИ И СКАЗКИ О ЖИВОМЪ МЕРТВЕЦѢ.

Содержаніе.

Пѣсни: Варіанты малорусскій и угрорусскій.—Общія и частныя черты.—Варіанты: болгарскій, сербскіе, венгерскій, италіанскій, старинные датскіе, новые шведскіе и англійскіе. Выводы.

Сказки малорусскія. Мотивы объ обманѣ мужа женой посредствомъ рыбъ и объ ѣздѣ женщины на мужчинѣ. Сложная и краткая форма сказки о живомъ мертвецѣ. Фабльо и новеллы о живомъ мертвецѣ. Сужденіе о нихъ Бедье. Литература предмета. Связь малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ съ фабльо.

Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ, записанныя въ небольшомъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Австро-Венгріи, въ этнографическихъ предѣлахъ преимущественно малорусскаго племени, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не привлекали къ себѣ вниманія изслѣдователей. Обширная монографія проф. *Созоновича* о женихѣ-мертвецѣ относится къ другому циклу пѣсенъ, сказаній и повѣрій, ничего общаго не имѣющему съ цикломъ пѣсенъ, сказокъ и новеллъ о живомъ мертвецѣ. Послѣдній распадается на два отдѣла: въ одинъ входятъ почти исключительно народныя пѣсни, во второй—преимущественно сказки и новеллы. Ближайшее изученіе пѣсенъ и сказокъ о живомъ мертвецѣ представляетъ высокій историко-литературный и историко-культурный интересъ, открывая характерныя нити живаго общенія малорусскаго народа съ западнымъ міромъ.

1.

Пѣсни о живомъ мертвецѣ.

Въ V т. „Трудовъ“ *Чубинскаго* (113—114) напечатана слѣдующая пѣсня, взятая изъ рукоп. г. Кулиша, безъ обозначенія мѣста и времени записи.

„Ой умру, маты, умру
Да за часъ, за годыну,
За часъ, за годыну,
А за дочку вдовыну.“
—Ой, не вмирай, мій сыночку,
Сострой соби церковочку,
А вси дивки прійдуть
До церковци молытьсв
И вдовына дочка.
А вси дочки приходять
До церкви молыться,
А нема дочки вдовынои.
„Ой умру маты“....
—Ой не вмирай, мій сыночку,
Зроби соби корчемочку,
А вси дивки прійдуть
До корчемки гуляты
И вдовына дочка прійде.
А вси дочки приходять
До корчемки гуляты,
А нема дочки вдовынои.
„Ой умру, маты“.....
—Ой не вмирай, мій сыночку,
Зроби соби хочъ труночку,
А вси дивки прійдуть
На тило дывыться
И вдовына дочка прыйде.
А вси дивки приходять
Та на тило дывыться;
Прійшла и единая дочка
Та дочка вдовиная.
А вси дивки приходять
Та у ниженькахъ стали,
Прійшла дочка вдовиная,
Та й въ головахъ стала.
Козакъ исхватывся,

Давай, маты, пыва, меду
Бо вдовину дочку веду!

Эта пѣсня записана, по всей вѣроятности, въ юго-западномъ краѣ, гдѣ дѣвушки собираются въ корчму на танцы, чего не бываетъ въ лѣвобережной Малороссіи. Корчма—это народный—клубъ, говоритъ *Чубинскій* въ VII т. Трудовъ 450; сюда сходятся въ часы досуга мужчины и женщины и заводятъ дружескую бесѣду съ знакомыми и пріятелями, которые приходятъ въ корчму не съ тою цѣлью, чтобы напиться, но больше являются съ намѣреніемъ людей посмотрѣть и себя показать... Собирается извѣстная компанія, садится за столъ, а лѣтомъ на дворѣ въ тѣни гдѣ либо вблизи корчмы. Посрединѣ постилается платокъ, на который кладется разломанная на куски паляница и рыба, „чехоня або оселедци", тутъ же въ корчмѣ пріобрѣтенная. Кто угощаетъ водкою, тотъ обязанъ подносить каждому по очереди; но первая рюмка всегда принадлежитъ угощающему. Когда разопьютъ взятую водку, другой членъ кружка покупаетъ и подноситъ такимъ же образомъ; затѣмъ третій и т. д. Во время этой попойки идетъ общая дружеская бесѣда о житьѣ—бытьѣ вообще.... Въ корчму приходятъ музыканты, собираются парни и дѣвушки и пляшутъ подъ звуки музыки"....

Въ пѣснѣ малорусской взято три мотива: постройка церкви, корчмы и труны; мать даетъ совѣты; предполагается, что сынъ исполняетъ ихъ; въ пѣснѣ не пояснено, почему вдовиная дочка не приходила.

Къ малорусской пѣснѣ близко подходитъ и объясняетъ ея основные мотивы слѣдующая болгарская пѣсня о Стоянѣ и Боянѣ:

„Учи ме, майко, карай ме,
Какъ да Бояна пограбамъ?"—
„Учамъ те, синко, научамъ,
Какъ да Бояна пограбамъ.
Напра' и цѫрква стретъ село
Си те девойки ке до'ѣтъ
И калешести невѣсти,
И цѫрнооки вдо'ици,
И бѣла Боя ке до'итъ
Си стана Стоянъ сиромафъ,

Напра'и цѫрква стретъ село
Си те девойки дейдо'е,
И калешести невѣсти,
И цѫрнооки вдо'ици,
Бѣла Бояна не дойде.
Си стана Стоянъ сиромафъ
Отиде дур'при майка си:
„Учи ме, майко, карай ме,
Какъ да Бояна лографамъ?" —
„Стояне, синко рогене,
Напра'и чешма стретъ село,
Си те девойки........
Си стана Стоянъ сиромафъ,
Напра'и чешма стретъ село;
Си те девойки. etc.....
Бѣла Бояна не дойде."
Си стана Стоянъ сиромафъ
Отиде дур'при майка си.......
. . . .
Учамъ те, синко, научамъ,
Напра'и бафча стретъ село
. . . .
Учамъ те, синко, научамъ,
Ты да си умришъ отъ нафолъ
Си те девойки etc......
Умрелъ си Стоянъ отъ нафолъ,
Дочуле си—те девойки,
И калешести невѣсти,
И цѫрнооки вдо'ици,
Си—те Стояна виделе,
Си—те ему пещешъ отнесле;
Уще Бояна нематъ.
Бояна майкѣ ѣ велитъ:
Майко ле, мила майко ле!
Отъ тебе изанъ си сака
Ясъ да го видамъ Стояна,
Веке ми Стоянъ умрело,
Ке пойдамъ да го целивамъ,
Отъ него да сѣ отпростамъ;
Си—те дручачки пойдо'е,
И мъ, майчице, да одамъ."
Майке ѣ изанъ ѣ даде
„Ай одай бѣла Бояно!
Да не сѣ тамо заба'ишъ"
Ми стана бѣла Бояна,

Влезе си въ мала градина,
Си набра киска босильокъ,
Секакво цвѣке 'убо'о,
Колку во дворне ми влезе,
Отъ майки изинъ пакъ зематъ:
Майко ле, мила майко ле!
Я сего тамо ке одамъ
Да си го вида Стояна.
Колку Бояна отиде
Во Стояно'и дворо'и,
Писна Бояна да плачитъ;
„Офъ леле, юнакъ, Стояне!
Душа да неmатъ майка ми,
Защо тезеде на душа,
Защо ми младо зачина,
Оба не си сѣ простифме!“
Отиде дур' при Стояна,
Му кладе киска босильокъ,
Прибра сѣ да го целиватъ,
СтоянъѬ фати за рѫка:
„Добре ми дойде, Бояно!
Какъ сѣ излѫжи майка ти,
Како те тебе пущила?
Како ти тебѣ нарѫча?
Арно те госпотъ донесе,
Со тебе ке сѣ кердоса.“
Пойдо'е попей да канѣтъ,
Стояна да го закопвѣтъ,
Не го Стояна закопвѣтъ,
Тук' го Стояна венча'е,
Коча ми дочу майка ѣ,
Отъ ум—отъ ке сѣ расипитъ.
Тіе сѣ два—та венча'е

(*Миладиновы* № 185 стр. 294—296).

Въ переводѣ: „Научи меня, матушка, какъ мнѣ увести Бояну.“—„ Научу тебя сынокъ, научу: Построй церковь посреди села; всѣ дѣвушки въ нее прійдутъ, и красавицы молодицы, и черноокія вдовицы, и красавица Бояна прійдетъ. Подхватился бѣдняга (сиромаха) Стоянъ. Выстроилъ церковь посреди села; всѣ дѣвушки туда пришли, и молодицы, и вдовицы; но Бояна не пришла....“ Далѣе, Стоянъ, по совѣту матери, посадилъ садъ, огородъ, но Бояна все-таки не пришла... Наконецъ, мать совѣтуетъ Стояну притвориться мертвецомъ (умришъ отъ

нафолъ“). Дѣвицы, молодицы и вдовы принесли ему похоронные дары („пещешъ“), и Бояна отпросилась у матери пойти поцѣловать Стояна и проститься съ нимъ. Она нарвала въ своемъ саду букетъ васильковъ, подошла къ Стояну, стала горько плакать и проклинать свою мать разлучницу („душа да праматъ майка ми“). Когда она собралась поцѣловать Стояна, послѣдній схватилъ ее за руку. Стоянъ спрашиваетъ, какъ Боянѣ удалось обмануть мать и благодаритъ Бога, что овладѣлъ Бояной. Поповъ звали хоронить Стояна, а попы обвѣнчали Стояна съ Бояной.

Варіанты у *Миладинова* подъ №№ 186, 187 и 117 сходны. Въ вар. № 186 юнакъ напрасно посылаетъ своихъ, напрасно строитъ церковь. Тогда юнакъ притворяется мертвецомъ (жив мъртовецъ). Дѣвушка является съ букетомъ цвѣтовъ. Пѣсня кончается словами:

Ка Ѫ виде войникъ юнакъ,
РѪка пущи, ѬѪ бакачи
Сѣ залюбиха, сѣ венчаха

Въ вар. № 117 Стоянъ строитъ церковь, украшаетъ ее золотомъ и серебромъ; Димана приходитъ посмотрѣть и вѣнчается со Стояномъ. Къ вар. № 187 примыкаютъ два другихъ, у *Верховича* и *Дозана*.

Въ сербской пѣснѣ „Женидба ерцеги Стевана“ красавица Мара, просватанная отцомъ за Стефана, но желая выйти за него, по совѣту матери притворяется мертвой. Стефанъ кладетъ ей на грудь огонь, потомъ змѣю; но Мара выдерживаетъ пытку, и Стефанъ со сватами удаляется. Пѣсня извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ (*Николиħ*, Срп. нар. песме №№ 43—45). Эти пѣсни, очевидно, отличаются отъ всѣхъ варіантовъ о живомъ мертвецѣ. Повидимому, онѣ составляютъ своеобразную сербскую группу пѣсенъ о живомъ мертвецѣ.

Гораздо ближе къ малорусскимъ и болгарскимъ пѣснямъ стоитъ словинская у Враза „Cudna bolezen“. Здѣсь мать строитъ сначала церковь, потомъ выкапываетъ колодецъ; но дѣвица не приходитъ; тогда юноша притворяется мертвымъ. Дѣвушка приходитъ; мнимый мертвецъ ее обнимаетъ, а молодежь, глядя

въ окно, удивляется, что мертвецъ протягиваетъ руки для объятій и губы для поцѣлуевъ (*Child* I 250).

М. Е. Халанскій любезно указалъ мнѣ на одинъ варіантъ въ „Разне српске народне пјесме", собранныхъ Миланомъ *Осветничемъ* въ Бокѣ Которской и изд. въ 1888 г. Здѣсь на стр. 136—140 помѣщена своеобразная версія подъ заголовкомъ „Цревиђ Мујо и Мермера дјевојка". Начало: „Гони коня царевиђа Мујо испред двора Мермере девојке". Мермера заплетаетъ свои прекрасныя косы (жуте-желтыя, золотыя). Мујо влюбляется и приглашаетъ Мермеру. Она отказываетъ: „жена твоя породила ребенка и другаго носитъ подъ поясомъ". Пріѣзжаетъ Мујо домой. У него разболѣлась голова. Мать, узнавъ, что причиной болѣзни является неудачная любовь, совѣтуетъ ему лечь на постель, и начинаетъ плакать о немъ (викнуть), какъ по умирающемъ и созывать къ нему дѣвицъ и молодыхъ женщинъ. Всѣ пришли,—не пришла только Мермера. Дѣвушки и затѣмъ ея собственная мать упрекаютъ ее и посылаютъ къ Муйѣ. „Свачијем је мајка заклинала", и тогда Мермера переодѣлась въ мужеское платье побратима Муя, пріѣхала къ нему и спросила его, чтобы онъ сдѣлалъ, если бы Мермера попалась ему въ руки (да ти Мермер запане у руке). Муя говоритъ, что онъ бы изнасиловалъ ее, но не взялъ (обльубно, ма је узо не би). Мермера переночевала съ Муйомъ ночь на мягкой постели, а утромъ въ насмѣшку надъ нимъ призналась, что она Мермера. Когда Муйо услышалъ, умеръ съ досады (ад муке се мртав преметнуо). Мермера уѣхала домой.

Съ славянскими варіантами въ самомъ близкомъ родствѣ стоитъ венгерскій: Красавецъ Тони говоритъ своей матери, что онъ умретъ отъ любви къ Еленѣ. Мать совѣтуетъ жить. Она строитъ сначала драгоцѣнную мельницу; но Елена не пришла; мать не пустила ее. Мать Тони строитъ мѣдный мостъ; всѣ пошли смотрѣть мостъ; но Елену мать не пустила. Мать Тони совѣтуетъ ему представиться мертвецомъ. Мать Елены опасается, что она не вернется. Елена пошла, стала у ногъ мнимаго мертвеца и сказала: „Никогда я не видѣла такого красиваго мертвеца, съ глазами смѣющимися, съ губами располо-

женными къ поцѣлую, съ ногами, готовыми прыгать" (eyes smiling, mouth tempting kisses and his feet all ready for a spring). Тони подскочилъ и обнялъ ее (*Child* I 250).

Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ болгарскихъ, словинскомъ и венгерскомъ варіантахъ повторяется одна черта, указывающая на близкое родство ихъ, черта, мѣтко выраженная въ болгарскихъ пѣсняхъ у Верковича, Миладинова и Дозона:

Не ти ѥ Стоянъ умрено:
Нодзе—те му се на потскокъ,
Рѫце—те му се на прегрaпъ,
Очи—те му се на поглeдъ.

Въ италіанскомъ варіантѣ молодой человѣкъ хочетъ жениться на дочери богатаго купца; онъ разводитъ садъ; всѣ дѣвушки пришли за цвѣтами; но его милая не пришла, потомъ онъ даетъ балъ съ 32 музыкантами, строитъ богатую церковь, наконецъ притворяется мертвецомъ. Дѣвушка получаетъ отъ отца позволеніе пойти въ церковь. Мертвецъ ожилъ, остановилъ похоронное пѣніе, и попы ихъ тутъ же обвѣнчали (изъ Сб. Ферраро, цит. у *Child* I 250).

Среди славянскихъ варіантовъ замѣчательна карпато-русская пѣсня въ сб. *Головацкаго* т. II 710—711.

1. Ей доловъ, ми доловъ, тамъ доловъ далеко,
2. Ей жили, тамъ жили двѣ близки сусѣды.
3. Една мала дѣвку бѣлую Ганичьку,
4. Друга мала сына бѣлаго Яничька,
5. Таты двое люди такъ ся любовали,
6. Же и въ святой церкви покоя не мали,
7. Они въ святой церкви покоя не мали
8. Со златымъ яблочкоиъ до себе метали:
9. Ганусина маты на томъ застояла,
10. Отъ вышней сусѣды муръ тягаты дала.
11. „Мураре, мураре, такъ же муръ тягайте,
12. До вышней сусѣды облачокъ нягайте,
13. Жебы я видѣла бѣлаго Яничька,
14. Колы онъ поведе до воды коничька!"—
15. „Умру, матусь, умру, про бѣлу Ганичьку,
16. Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло".
17. „Не умри, Яничьку, про бѣлу Ганичьку,
18. Дамъ я муровати округлу корчьмичку:
19. Пойдутъ до ней, пойдутъ пани и панове,
20. А чей маты пустить до ней и Ганичьку".

21. „Пустте мня, мамичько, до округлой корчьмы!“
22. „Не пущу, не пущу, ты хижечна курво!“
23. „Умру, матерь, умру про бѣлу Ганичьку,
24. Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло“.
25. „Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
26. Ей дамъ я справити ременяный мостокъ:
27. Панове и паньи пойдутъ по мостичьку,
28. А чей пуститъ мати и бѣлу Ганичьку“.—
29. „Умру, матусь, умру про бѣлу Ганичьку,
30. Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло“.
31. „Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
32. Дамъ вымуруваты округлу церковцу,
33. Панове и паньи пойдутъ до церковци,
34. Може и Ганичьку мати до ней пошле“.
35. „Пусти мня, мамичько, до округлой церкви!“
36. „Не пойдешъ, не пойдешъ, ты, хижечна курво!“
37. „Умру я, мамичько, про бѣлу Ганичьку,
38. А ужъ конецъ былъ, серденько не било“.
39. Ганчя ся дознала кановцу порвала,
40. Кановцу порвала, на воду бѣжала,
41. Труны ся хватила, жития утратила.
42. А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
43. Души спочиваютъ съ милымъ паномъ Богомъ.
44. Съ едной страны церкви Яничька сховали,
45. Съ другой про Ганичьку смутный гробъ выбрали,
46. На Янчовомъ гробѣ росла розмарія,
47. На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія.
48. Тоты двое зеля такъ повыростали,
49. Ажъ ся ихъ вершочьки верхъ церкви сходжали,
50. Ганусина маты на томъ застояла,
51. Драбины ставляла, вершки сожинала.
52. Яничьково тѣло съ гробу проговарило:
53. „Ей мати, ты мати, пренедобра мати,
54. Не дала'сь намъ жити, дай намъ почивати!
55. Хоцъ тѣло въ гробѣ гніе, порохніе,
56. Але наша любовь и за гробомъ жіе“.

Эта превосходная пѣсня представляетъ любопытный образчикъ мѣстной обработки заимствованнаго литературнаго сюжета.

Стихи 1—14 мѣстнаго угорско-русскаго творчества; въ нихъ отразилась гористая природа. Оригинальныя черты—выраженіе любви въ видѣ перебрасыванія въ церкви яблока и постройка стѣны. Яблоко вошло въ пѣсню, вѣроятно, изъ свадебныхъ и колядокъ, гдѣ оно является часто въ значеніи сим-

вола любви, о чемъ подроб. см. въ „Объясненіяхъ“ *А. А. Потебни* II 482—484. Въ галицкой пѣснѣ отецъ говоритъ „Ой донько жъ моя, верзь же ми ябко“. Дочь отвѣчаетъ: „Бигъ-ме, невержу, милому держу“—образъ, очевидно, тожественный.

Стихи 15—43 составляютъ основную тему пѣсни, причемъ первые 4 стиха почти дословно совпадаютъ съ началомъ пѣсни въ рук. сб. Кулиша. Основные мотивы угорско-русскаго варіанта: мать строительница, постройка корчмы, моста, церкви. Своеобразное окончаніе — молодой человѣкъ умираетъ и его возлюбленная вмѣстѣ съ нимъ. Любопытны мелочи: понятіе округлости въ значеніи красоты зданіи и ременной мостокъ.

Къ угорскому варіанту близко подходитъ нѣмецкій, вѣроятно, и послужившій для перваго оригиналомъ. Мать строитъ мельницу, потомъ церковь, и затѣмъ сынъ притворяется мертвецомъ. Когда милая подошла проститься съ нимъ, онъ вскочилъ и поцѣловалъ ее. Она отъ испуга умерла, и мнимый мертвецъ умираетъ дѣйствительно съ горя. Похоронили ихъ у церкви съ разныхъ сторонъ ея. Двѣ лиліи выросли на могилкахъ, высоко поднялись и переплелись, какъ супруги (*Child*, The engl. and. scottish pop. ballads II 506). Послѣдняя подробность совпадаетъ съ окончаніемъ (ст. 44—56) угорскаго варіанта, ясно указывая на его нѣмецкое происхожденіе. Жалоба Яничька на мать Ганичьки, подчеркивающая злобу старухи, находитъ соотвѣтствіе въ болгарскомъ вар. (у *Миладинови* № 186), гдѣ дочь проклинаетъ свою мать. Вообще, во многихъ пѣсняхъ этого цикла замѣчается противоположеніе доброжелательной матери молодого человѣка злой матери его возлюбленной.

Мотивъ о выростаніи деревьевъ на могилахъ двухъ любовниковъ чрезвычайно популяренъ, встрѣчается въ пѣсняхъ многихъ народовъ, о чемъ подробныя библіографическія указанія см. у *Сумцова* въ Этнографич. замѣткахъ стр. 10, *Melusine* 1888 №№ 3, 4 и 6 и *Child*, The engl. ballads III № 75.

Въ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ о живомъ мертвецѣ (*Child* I 251—252, доп. въ VI и VIII томахъ) подробности о постройкѣ церкви и т. п. утеряны. Пѣсни начинаются прямо съ совѣта матери сыну притвориться мертвымъ. Сынъ

притворяется; дѣвушка проситъ отца отпустить ее въ церковь, получаетъ разрѣшеніе и возвращается изъ церкви замужней. Пѣсни эти сходни съ славянскими, особенно по первой строфѣ:

Willie, Willie, i'il learn you a vile',
And the sun shines over the valleys and a',
How this pretty fair maid ye may beguile'
Among the blue fl wrs and the yellow and a'
Ye maun lie doun just as ye were dead.....

Мать даетъ совѣтъ сыну, какъ обмануть (beguile) дѣвушку—притвориться мертвымъ.

Извѣстно много датскихъ пѣсенъ о живомъ мертвецѣ и, что замѣчательно, по рукописямъ XVI в. Въ одной пѣснѣ, по рукоп. XVI в., молодой человѣкъ Карлъ спрашиваетъ у своей матери, какъ пріобрѣсти ему любовь красавицы Кирстинъ. Мать совѣтуетъ притвориться мертвымъ. Кирстинъ проситъ у матери разрѣшенія пойти въ его домъ. Мать, опасаясь обмана, не пускаетъ; но Кирстинъ уходитъ самовольно. Она сильно плачетъ, проситъ окружающихъ молиться за душу Карла. Послѣдній оживаетъ; Кирстинъ упрекаетъ его въ обманѣ. Карлъ спѣшитъ къ ея отцу и испрашиваетъ разрѣшеніе на бракосочетаніе. Въ вар. по рукоп. 1610 г. Карлъ, идя въ церковь, спрашиваетъ Инегирлу, выйдетъ ли она за него замужъ; Инегирла отсылаетъ его къ своимъ родителямъ. Огорченный, блѣдный Карлъ возвращается домой. Мать совѣтуетъ ему притвориться мертвымъ. По окончанію пѣсня сходна съ предыдущей. Въ вар. по рукоп. XVI в. притворнаго мертвеца несутъ хоронить въ монастырь; дѣвушка плачетъ; мертвецъ тихонько говоритъ ей: не плачь, но слѣдуй за мной; у воротъ монастыря прigотовлены черные кони. Затѣмъ онъ выскочилъ изъ гроба, схватилъ дѣвушку и бѣжалъ съ ней. Монахини, пѣвшія на хорахъ, подумали, что это ангелъ явился съ неба и увелъ мертвеца. Мотивъ о монастырѣ повторяется во многихъ датскихъ, шведскихъ и во французской пѣсняхъ, записанныхъ изъ народныхъ устъ. Чайльдъ считаетъ мотивъ объ отпѣваніи героя въ монастырѣ позднѣйшей амплифекаціей—предположеніе весьма вѣроятное, если принять во вниманіе, что пѣсни съ добавочнымъ мотивомъ о монастырскомъ отпѣваніи заключаютъ въ себѣ фривольныя шут-

ки, напр. въ одномъ шведскомъ вар. монахини танцуютъ отъ радости, что ангелъ взялъ мертвеца и въ предположеніи, что и за ихъ душами Богъ пришлетъ такого ангела (*Child* I 249, II 506).

Сравнительный обзоръ варіантовъ приводить къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Пѣсня о живомъ мертвецѣ въ основной своей формѣ была уже извѣстна въ XVI вѣкѣ.

2) Въ географическомъ распространеніи пѣсня эта извѣстна въ сѣверной и южной Европѣ.

3) Малорусскіе варіанты воспроизводятъ западно-европейскіе, причемъ варіантъ украинскій состоитъ въ ближайшей связи съ болгарскимъ, а угорско-русскій, повидимому, примыкаетъ съ нѣмецкимъ.

Мѣсто, время возникновенія и пути распространенія пѣсни вполнѣ загадочны. Нѣкоторый свѣтъ по этимъ пунктамъ прольется при опредѣленіи большаго количества ея варіантовъ, при умноженіи ихъ неизданными, обращающимися въ народѣ, наконецъ, при справкахъ съ анекдотической европейской литературой, новеллами и фацеціями, литературой громадной, и еще слишкомъ мало систематизированной. Пѣсня имѣетъ анекдотическій характеръ и a—priori можно принять, что она не чужда старинной новеллистикѣ. Бойкое, игривое содержаніе говоритъ за южно-европейское ея происхожденіе, а существованіе датскихъ записей XVI вѣка говоритъ въ пользу ея давней популярности у сѣверныхъ германскихъ народовъ.

Что въ основѣ пѣсенъ о живомъ мертвецѣ лежитъ какая-нибудь новела или забытое фабльо, можно предположить на томъ основаніи ,что въ основѣ современныхъ народныхъ сказокъ о живомъ мертвецѣ лежитъ средневѣковое фабльо, какъ это видно изъ слѣдующихъ совпаденій.

2.

Сказки и фабльо о живомъ мертвецѣ.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ состоятъ или изъ трехъ сказочныхъ мотивовъ, или изъ одного, причемъ въ исто-

рико-литературномъ отношеніи, въ особенности, любопытнымъ представляется сложный типъ сказки. Образчикомъ сказокъ перваго типа можетъ служить слѣдующая сказка о трехъ женахъ, записанная въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. Было три жены, большія подруги. Пошли онѣ въ монастырь говѣть и на дорогѣ нашли золотое кольцо. Онѣ не знали, какъ подѣлить его. Одна говорила: „нехай мени буде, бо я побачыла", другая—„нехай мени, бо я взяла". Третья предлагаетъ оставить перстень той, которая удачнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Остальныя приняли это предложеніе. 1) Первая жена посылаетъ мужа въ поле орать и, когда онъ работалъ въ полѣ, положила въ борозны живыхъ рыбокъ линовъ. Мужъ набрелъ на нихъ съ плугомъ, подумалъ, что выоралъ изъ земли, собралъ рыбу, принесъ домой и велѣлъ женѣ сварить рыбу на ужинъ. Жена не исполнила приказанія и была потомъ избита мужемъ. Сотскій связалъ его. Попъ пришелъ его исповѣдывать. Мужъ и ему сталъ говорить, что выоралъ рыбу, и былъ за то прибитъ. 2) Другая жена притворяется больной и заставляетъ мужа везти ее съ поля на возу, причемъ мужъ запрегся вмѣсто коня; затѣмъ жена садится на него верхомъ и заставляетъ внести ее въ хату, и, наконецъ, 3) третья жена поступила такъ, что обманъ вышелъ въ спасеніи. Мужъ ея долженъ былъ пойти на панщину, но, по совѣту жены, отправился на водяную мельницу, такъ какъ хлѣбъ былъ на исходѣ. Десятникъ и потомъ экономъ похваляются избить мужика за неявку на панщину. Когда вечеромъ мужъ возвратился, жена посовѣтовала ему притвориться мертвымъ. Жена убрала его и стала плакать надъ нимъ. Десятникъ заглянулъ и со двора долой. Положили его въ гробъ. „А що, люде добри, сказалъ попъ, куды понесемъ его, чи черезъ горòдъ, чи навкруги? мабудь несимъ черезъ горòдъ". Мнимый мертвецъ выскочилъ изъ гроба и погнался за попомъ со словами: „ось я тоби покажу, якъ черезъ горòдъ носыть; що тоби шляху немае, що ты будешъ черезъ горòдъ несты мене". Жены идутъ къ пану съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ удачнѣе обманулъ мужа. Панъ нашелъ, что первыя двѣ жены поступили неостроумно и приказалъ высѣчь ихъ, а

послѣднюю одобрилъ и вручилъ ей перстень (*Рудченко*, Народ. южнор. сказки. I 165—168).

Эта любопытная сказка недавно подверглась научному анализу въ обширномъ изслѣдованіи *Бедье* „Les fabliaux“ (1893 г.) Правда, Бедье лишь упоминаетъ о нашей сказкѣ при разборѣ нѣкоторыхъ фабльо (въ VI гл. „Tresses“); но отмѣченныя имъ мимоходомъ литературныя параллели весьма цѣнны. Оказывается, что мотивъ о рыбахъ встрѣчается въ трехъ фабльо и особенно сходный въ Повѣсти о 7 мудрецахъ, (2 разсказъ мудреца); мотивъ о томъ, какъ женщина ѣздила на мужчинѣ входилъ въ фабльо, новеллы, драмы, отразился на многихъ памятникахъ искусства, восходитъ къ Панчатантрѣ. Обширная литература указана у *Hagen* Gesammtabenteuer I N 2 и въ особенности у *Bedier* Les fabliaux 403—404.

Въ средневѣковыхъ разсказахъ обыкновенно выступаетъ классическій мудрецъ Аристотель, напр. въ старо-французскомъ фабльо „Lay d' Aristote“, въ нѣмецкомъ „Aristoteles und Phyllis“. Знаменитый философъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ стараго дурака, влюбившагося въ молодую дѣвушку, которая смѣется надъ нимъ, и, между прочимъ, требуетъ въ счетъ будущихъ любовныхъ благъ покатать ее. Аристотель надѣлъ сѣдло, взялъ въ ротъ уздечку и на четверенькахъ каталъ по саду коварную Филлиду, которая подгоняла его колючей розовой вѣтвью и пѣла веселыя любовныя пѣсни, (*Hagen*, I, 20—35). Не входя въ подробности, отмѣтимъ здѣсь лишь одинъ изъ наиболѣе старинныхъ варіантовъ этого анекдота: въ Панчатантрѣ министръ Фаратушти брѣетъ голову въ угоду женѣ, а его повелитель король Нанда въ угоду своей женѣ позволяетъ себя зануздать и ржетъ по лошадиному (ib. I введеніе LXXVII).

Большей частью встрѣчаются сказки на одинъ мотивъ изъ трехъ предъидущихъ, чаще всего на мотивъ о живомъ мертвецѣ. Такъ въ малорусскомъ варіантѣ, записанномъ въ курской губ., говорится, что у одной женщины былъ мужъ Максимъ, глупый, неразговорчивый и некрасивый. Она слюбилась съ кумомъ и, чтобы сжить со свѣта своего мужа, стала увѣрять его, что онъ боленъ, причемъ кумъ ей поддакивалъ. Однажды

мужъ возвратился съ поля очень усталымъ, жена сказала, что онъ умираетъ, и дурень повѣрилъ ей, легъ и сложилъ руки. Жена начинаетъ голосить надъ нимъ, кумъ вслухъ высказываетъ свои сожалѣнія о его смерти, и все это глупаго мужа окончательно убѣждаетъ, что онъ умеръ. Кумъ сдѣлалъ поскорѣе гробъ, позвали попа, и понесли мнимаго мертвеца на кладбище. Глупый мужъ замѣтилъ, что люди понесли его неподходящей дорогой, и крикнулъ: „Не несыть напрямецъ, бо я позавчора втопывъ въ рудци шкапу, насылу вытягъ". Люди отъ страха разбѣжались. Первымъ пришелъ въ себя попъ, распросилъ мнимаго мертвеца и сказалъ, что онъ ожилъ. Максимъ пошелъ домой—„ни на радость ни кумови, ни жинци" (*Чубин.* II 540—542). Этотъ варіантъ, очевидно, стоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ вар. Рудченка.

Подобнаго рода сказки встрѣчаются въ Великороссіи и въ Бѣлоруссіи. Бѣлорусскіе варіанты кратки и безцвѣтны, повидимому, представляютъ искаженіе малорусскихъ. Таковы въ „Смолен. этнограф. сборникѣ" *Добровольскаго* на стр. 354 („якъ мужикъ абмирау, а потэмъ жонку свою падучилъ, што ина дуже любопытна") и 355 („мужикъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любитъ ли его жена"), грубыя сказки, построенныя на мотивѣ о побояхъ жены въ смыслѣ поученія.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ въ сложномъ видѣ стоятъ въ прямомъ родствѣ съ древнимъ французскимъ фабльо „Les trois dames qui trouverent l'anel", а въ сокращенномъ видѣ прямо отвѣчаютъ другому французскому фабльо „Le vilain de Bailleul". Изданы эти фабльо у Монтельона и Реньо (I 15, IV 109 и VI 138). На этихъ фабльо останавливались выдающіеся ученые, Либрехтъ, Руа и въ послѣднее время Бедье. Такъ какъ въ „Les fabliaux" Бедье сведены мнѣнія и указанія предыдущихъ ученыхъ, то мы ограничимся здѣсь лишь этимъ пособіемъ, съ небольшими добавками изъ „Gesammtabenteuer" фонъ-деръ-Гагена; мы извлечемъ лишь то, что нужно для ближайшей нашей цѣли—объясненія сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Фабльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, состоитъ въ слѣдующемъ: Три дамы заспорили, кому должно принадлежать драгоцѣнное кольцо, найденное ими въ одно время; онѣ призываютъ въ посредники постороннее лицо, и послѣднее присуждаетъ кольцо той, которая остроумнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Таковъ основной остовъ сказки; затѣмъ идутъ подробности, которыя измѣняются въ варіантахъ. Одна жена напаиваетъ мужа, стрижетъ у него макушку (дѣлаетъ монашескую тонзуру), надѣваетъ на него клобукъ, отводитъ въ монастырь, и потомъ глупый мужъ начинаетъ думать, что поступилъ въ монахи. Другая убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, потомъ убѣждаетъ, что онъ умеръ. Третья—что мужъ одѣтъ въ чудесное, невидимое ему платье, и повѣрившій этому мужъ идетъ голый по улицѣ. Эти мотивы—самые распространенные; такъ—второй (о мертвецѣ) отмѣченъ въ 12 различныхъ литературныхъ памятникахъ, первый (о монахѣ) въ 11 (въ малорусскихъ нѣтъ), третій (о голомъ) въ 6. Другіе мотивы встрѣчаются рѣже. Въ трехъ фабльо встрѣчается мотивъ о рыбахъ, но въ такой отличной отъ малорусской сказки формѣ: жена оставляетъ въ четвергъ мужа въ обѣденное время подъ предлогомъ, что она пойдетъ жарить рыбу къ сосѣдкѣ; она гуляетъ съ любовникомъ недѣлю, на слѣдующій четвергъ къ обѣду приноситъ горячую жареную рыбу и увѣряетъ, что пробыла у сосѣдки нѣсколько минутъ; мужъ готовъ повѣрить. Другіе варіанты малочисленны, и въ Малороссіи до сихъ поръ не были еще записаны. Жена убѣждаетъ мужа вырвать зубъ (4 разсказа), обращаетъ домъ въ таверну и мужъ не можетъ его найти (въ 6 разсказахъ), мужъ по ошибкѣ уступаетъ жену другому и нѣкот. др., (о чемъ см. *Bedier* 228—231, 415).

Сказка о живомъ мертвецѣ издавна существуетъ подъ разными наименованіями. Въ западной литературѣ она находится въ слѣдующихъ произведеніяхъ:

1) *Фабльо* „Trois dames“ XIII вѣка (изд. у Mont et Reynaud, I, 15).

2) *Keller*, Erzählungen aus altd. Hss. p. 210 (изд. въ Bibliothek des lit. Vereins zu Stuttgart, 1855) XIV вѣка.

3) *Hans Folz* (von dreyen Weyben etc) въ Zts. de Haupt. VIII, 524; повторена въ *Facetiae Bebelinae* XVI в.

4) *Tirso de Molina,* въ Tresoro de novelistas, XVII в. въ парижскомъ изд. 1847, I стр. 234.

5) *Les comptes du monde adventureux* XVII в. въ парижскомъ изданіи 1878, NXLI.

6) *Verboquet* le genereux, изд. въ 1630, II, 31.

7) Le Sieur *d' Ouville,* ed. Ristelhuber, p. 146 XVII в.

8—11) Современныя народныя сказки норвежская, исландская, италіанская, датская.

12) Древній нѣмецкій разсказъ, изд. *фонъ-деръ-Гагеномъ* въ Gesemmtabenteuer, II, глава 45.

13) *Despériers,* Contes et joyeux devis, новелла LXX (въ изд. библіофила Якоба); повторена въ „Thésor des recreations" 1816 г. стр. 27.

14) *Боккачіо* въ Декамеронѣ (III, 8) въ новеллѣ „Ферондо; подражалъ *Лафонтенъ* въ le Purgatoire".

15) Въ *Nast-Eddin Hodja* Plaisanteries въ франц. перев. съ турецкаго 1876 №№ XLIX и LXVI; сходные анекдоты, индійскій, талмудическій и саксонскій указаны *Р. Келеромъ* въ Orient et Occident I, 431, 765); нѣсколько дополненій у Бедье на 431 стр.

У *Фонъ-деръ-Гагена* (II введ. L—LII) сдѣлано еще нѣсколько библіографическихъ указаній (одна фацеція у Поджіо и новелла у Дони).

Эти библіографическія указанія, извлеченныя мной изъ Бедье и Гагена, достаточно опредѣляютъ многочисленную литературную родню малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Бедье при изученіи фабльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, воспользовался почти всѣми источниками и пришелъ къ тому печальному заключенію, что изученіе ихъ не даетъ никакихъ крупныхъ общихъ заключеній по вопросу о происхожденіи мотива о живомъ мертвецѣ. Возможны и дѣствительно сдѣланы лишь частные выводы, напр., о томъ, что сицилійская сказка вышла изъ новеллы, что Фербоке взялъ разсказъ изъ Comptes du Monde adventureux. По словамъ Бедье, изъ

22 варіантовъ только три поддаются историческому объясненію, а на основаніи остальныхъ 19, притомъ наиболѣе древнихъ, нельзя сказать, какова была первоначальная форма фабльо о трехъ дамахъ и въ частности мотива о живомъ мертвецѣ. Нельзя сказать, когда возникли основные мотивы и какими путями они переходили отъ народа къ народу (*Bedier* 232). Въ виду такого категорическаго сужденія Бедье я не беру на себя непосильной задачи входить въ подробный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ варіантовъ, тѣмъ болѣе, что не имѣю подъ руками многихъ изъ указанныхъ выше пособій. Считаю достаточнымъ замѣтить, что малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ имѣютъ западно-европейскихъ родственниковъ XIII и XIV вѣковъ и въ существенныхъ чертахъ очень походятъ на нихъ. Чтобы настоящее утвержденіе наше не было голословнымъ, мы приведемъ въ короткихъ словахъ содержаніе нѣсколькихъ старинныхъ западно-европейскихъ разсказовъ этого рода.

Въ старинной нѣмецкой стихотворной повѣсти „Der begrabene ê man“ (въ 256 стиховъ) въ началѣ говорится о предварительныхъ испытаніяхъ мужа; жена требуетъ, чтобы онъ полдень счелъ за вечеръ, холодную ванну за теплую. Это, такъ сказать, вступленіе. Въ главной части говорится, что жена слюбилась съ попомъ и, затѣмъ, слѣдуетъ разсказъ, чрезвычайно сходный съ малорусской сказкой у Чубинскаго; когда мужъ однажды возвратился домой съ полевой работы усталый, жена сказала, что онъ поблѣднѣлъ, уложила его въ постель, дала ему въ руки свѣчу, закрыла ему глаза и объявила, что онъ умеръ. Сошлись сосѣди и отнесли его въ церковь. Жена плакала и рвала на себѣ волосы. Мужа похоронили, и когда онъ въ могилѣ сталъ кричать, то попъ сказалъ, что это кричитъ демонъ въ трупѣ покойника, сталъ говорить молитвы, а жена и всѣ присутствовавшіе приговаривали „аминь“. Мужъ такъ и погибъ. Мѣстами нѣмецкое стихотвореніе почти тожественно съ малорусскими сказками; выписываю для примѣра лишь нѣсколько строкъ:

Si begunden in ûf die bâre legen,
Die brâhte si vil schiere dar,

dô kômen ir geburen gar,
Die naht man im wachte,
unz sich der tak ûf machte,
Zuo der Kirchen man in truok
dô roufte si sich unde sluok,
Si gienk im weinunde mite... .

Въ фабльо „Le villain de Bailleul“ нѣтъ предварительныхъ испытаній мужа. Жена также входитъ въ связь съ попомъ. Она убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, что онъ умеръ, выноситъ въ другой домъ и здѣсь оплакиваетъ. Приходитъ попъ, поетъ „Oremus“ и затѣмъ уходитъ съ вдовой въ домъ для пріятной съ ней бесѣды. Мнимый мертвецъ, услышавъ разговоръ ихъ, заявилъ, что онъ живъ и былъ за то сильно избитъ.

Въ Декамеронѣ *Боккачіо* (XIV в.), у новеллистовъ *Грацціни* и *Дони* (XVI в.) и въ подражаніе Боккачіо у *Лафонтена* сильно развита насмѣшка надъ католическимъ духовенствомъ, и соотвѣтственно тому обработанъ основной сюжетъ съ эротическимъ пересоломъ.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ стоятъ гораздо ближе къ французскимъ и нѣмецкимъ фабльо XIII—XIV вѣковъ, чѣмъ къ болѣе позднимъ италіанскимъ новелламъ и, повидимому, ближайшимъ источникомъ имѣютъ нѣмецкіе разсказы, въ родѣ того, что изданъ Фонъ-деръ-Гагеномъ. Въ малорусскихъ сказкахъ попъ является какъ-то случайно, очевидно, какъ отзвукъ чужаго литературнаго источника, и весь юморъ сосредоточивается на женѣ, на ея хитрости, причемъ обнаруживается попытка обманъ жены объяснить ея доброжелательствомъ и разумностью.

Н. Ѳ. Сумцовъ

